

Вы не знаете меня, но мое лицо наверняка вам знакомо. В самом начале на фотографиях нам не просто размывали лица — нас забивали пикселями по пояс, потому что выдать нас могли даже волосы. Но время шло, история сдувалась, наши защитники — тоже, и в темных уголках интернета стало легко отыскать неотредактированные снимки. Самый популярный — тот, где мы сентябрьским вечером стоим на фоне дома на Мур Вудс-роуд. Выйдя из дома, мы вшестером встали по росту, а Итан держал на руках Ноя; Отец тем временем выстраивал общую композицию. На заднем плане — дом в лучах заходящего солнца; дверь и окна отбрасывают тени. Мы стояли не двигаясь и смотрели в объектив. Фото должно было получиться идеальным. Но прямо перед тем, как Отец нажал кнопку, Эви сжала мою ладонь, повернула голову и поглядела на меня снизу вверх. Так мы и остались на той фотографии: она вот-вот скажет мне что-то, мои губы изгибаются в улыбке. Не помню, что она тогда

произнесла, но точно знаю: потом мы за это заплатились.

В тюрьму я приехала немного за полдень. Дорóгой слушала «Доброго дня!» — плейлист, который составил еще Джей Пи; когда я заглушила мотор, в салоне резко повисла тишина. Открыла дверцу — мчавшиеся по трассе машины шумели, как океан.

Администрация тюрьмы сделала краткое заявление, подтверждавшее смерть Матери. Я прочла несколько онлайн-статей накануне вечером, все они были формальными и, с разными вариациями, заканчивались оптимистично. Считалось, что у детей Грейси, часть из которых уже перестала скрываться, все хорошо. Я сидела в одном полотенце на кровати в гостиничном номере, разложив вокруг себя ужин, и смеялась.

На завтраке возле кофемашины я увидела газетную стойку. Фотография Матери была на первой полосе, ниже — статья о поножовщине в «Вимпи Бургере». Тихий денек...

В стоимость моего номера входил шведский стол, и я сидела в ресторане и ела без конца, пока не подошла официантка и не сказала, что в кухне начинают готовиться к обеду.

— Неужели кто-то приходит на обед? — спросила я.

— Вы и не представляете, сколько народу, — ответила она. И тут же добавила, как бы извиняясь: — Но обед не включен в стоимость вашего номера, к сожалению.

— Да-да, конечно, — сказала я. — Спасибо. Все было на уровне.

Когда я только начинала работать, Джулия Девлин, моя наставница, говорила: наступит время — и я стану равнодушна к бесплатным еде и алкоголю. Огромные блюда с изысканными канаве перестанут меня будоражить, и я уже не буду вскакивать по будильнику, лишь бы не пропустить начало завтрака.

Что ж, Джулия часто оказывалась права, но не в этом случае.

Тюрьму я никогда не посещала, но она была почти такой, какой я себе ее и представляла. Сразу за парковкой — белые стены, увенчанные колючей проволокой. Дразняще неприступные, как в сказке. За ними — четыре башни, возвышающиеся над бетонным рвом, и серая крепость в центре. Ничтожная жизнь Матери.

Я припарковалась слишком далеко, и мне пришлось пересечь море пустого пространства; я шла по широким белым линиям разметки там, где это было возможно. На стоянке обнаружилась всего одна машина кроме моей: какая-то старушка сидела в салоне, крепко вцепившись в руль. Увидев меня, она помахала, как будто мы были знакомы, и я махнула ей в ответ.

Асфальт под ногами плавился от жары, подошвы слегка к нему прилипали. Я вся вспотела, пока добралась до входа: грудь под бюстгалтером, волосы, шея сзади — все было влажным. Моя летняя одежда осталась в Нью-Йорке. Я помнила, что лето в Великобритании обычно робкое, и теперь беззастенчиво-синее небо всякий раз, как выходила на улицу, ошеломяло меня. Утром

я битый час проторчала перед зеркалом полуго-
лая — выбирала, чего бы такого надеть. Случай-то
все-таки особый. В итоге — белая рубашка, сво-
бодные джинсы, новенькие кроссовки, дерзкие
темные очки. «*Не слишком бодренько?*» — набра-
ла я текст поверх селфи и отправила сообщение
Оливии, но она была на свадьбе в Италии, на сте-
нах Вольтерры*, и не ответила мне.

Меня встретила девушка-администратор, как
в каком-нибудь офисе.

— Вам назначено? — спросила она.

— Да, меня ждет начальница тюрьмы.

— Директор?

— Точно, директор.

— Вы — Александра?

— Да.

Начальница встретила меня в холле.

— По субботам после обеда у нас работает не-
полный штат, — сказала она. — И никаких посе-
тителей после трех часов. Так что никто нам не
помешает.

— Как раз то что надо, — ответила я. — Спа-
сибо.

— Я, конечно, не должна этого говорить, но
это идеальное время для какого-нибудь грандиоз-
ного побега.

Начальница шла по коридору, заполняя собой
все пространство. Я читала о ней в интернете.

* Одна из главных архитектурных достопримечательностей
Тосканы. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редак-
тора.*

Первая женщина-директор учреждения строгого режима, после назначения она дала несколько интервью и рассказала, что собиралась стать полицейским, но тогда предъявляли строгие требования к росту и ей не хватило пяти сантиметров. Позже выяснилось: по росту она проходит в тюремные надзиратели — логики никакой, но она согласилась.

На ней был синий костюм оттенка электрик — в нем же начальница красовалась на снимках, размещенных рядом с интервью, — и неуместно изящные туфельки, как будто кто-то сказал ей, что они делают образ мягче. Она верила — абсолютно и безоговорочно — в раскаяние и перевоспитание.

Сейчас она выглядела гораздо более уставшей — чего не скажешь о ней, когда смотришь на те самые ее фотографии.

— Александра, — она взяла меня за руку, — я скорблю о вашей потере.

— А я — нет. Так что не переживайте.

Она махнула рукой в ту сторону, откуда пришла:

— Я прямо из зоны для посетителей. Прошу вас.

Коридор тепло-желтого цвета, потертые плинтусы, на стенах сморщенные постеры с информацией о беременности и медитациях. В самом конце — рамка металлоискателя, конвейерная лента и интроскоп для проверки личных вещей. Стальные ячейки камер хранения от пола до потолка.

— Формальности, — пояснила начальница. — По крайней мере, здесь всегда пусто.

— Прямо как в аэропорту, — сказала я, вспомнив, как вылетала из Нью-Йорка два дня назад. Серый лоток, в нем ноутбук, наушники и изящная прозрачная косметичка, которую я пристроила рядышком. Для тех, кто летает часто, есть отдельный проход, и мне никогда не приходилось стоять в очереди.

— Да, это точно.

Начальница выгрузила содержимое карманов и прошла через рамку. На конвейере оказались ее рабочий пропуск, розовый веер и детский солнцезащитный крем.

— Мы все в семье рыжие, — пояснила она. — Совсем не приспособлены к таким солнечным дням.

С фотографии на пропуске смотрела молоденькая девушка, которой, казалось, не терпелось приступить к работе.

Мои карманы пустовали, и я просто отправилась следом за начальницей.

Внутри тоже никого не оказалось. Мы прошли через зону для посетителей. Пластиковые столы и закрепленные стулья неподвижно стояли в ожидании следующего сеанса свиданий. В другом конце помещения обнаружилась металлическая дверь без окошек, и я подумала, что где-то за ней жила Мать — там начинался и заканчивался каждый из ее ничтожных дней. Я коснулась одного из стульев мимоходом и представила, как мои сестра и брат сидели здесь, в этой душной комнате, и ждали, пока к ним выведут Мать: Далила часто ее навещала, а Итан пришел однажды —

продемонстрировать благородство. Потом он еще написал заметку в *The Sunday Times*, она называлась «Трудности прощения». Трудностей у него отыскалось много, и все они оказались вполне предсказуемы.

В кабинет директора вела другая дверь. Начальница поднесла пропуск к стене и хлопала себя в поисках последнего ключа, который оказался в левом нагрудном кармане. К нему был прикреплен прозрачный кармашек с фотографией, полной рыжеволосых детей.

— Ну вот, — сказала она. — Мы пришли.

Шероховатые стены, окна с видом на авто-трассу — кабинет не впечатлял. Видимо, понимая это, хозяйка решила, что так не годится, и в помещении появились солидный письменный стол из дерева и офисное кресло. У нее нашлись средства и на два кожаных дивана — для разговоров по душам. На стенах висели ее дипломы и карта Соединенного Королевства.

— Мы с вами совсем не знакомы, но я хотела бы кое-что сказать вам, прежде чем к нам присоединится адвокат.

Она махнула рукой в сторону диванов. Я терпеть не могла вести официальные беседы на мягкой мебели: никогда не знаешь, как лучше сесть. На столике перед нами лежали картонная коробка и тонкий коричневый конверт, на котором были написаны имя и фамилия Матери.

— Надеюсь, вы не расцените это как бестактность, — начала она, — но я помню вас и вашу семью по тогдашним новостям. Мои дети были

совсем маленькими. Те заголовки — они долго не шли у меня из головы, даже когда я еще не устроилась сюда. Здесь у нас чего только не увидишь. Что-то попадает на полосы газет, что-то — нет. И даже спустя столько лет некоторые истории — их совсем мало — все же поражают меня. Знакомые спрашивают: «Неужели ты еще чему-то удивляешься?» Что ж, я отказываюсь не удивляться.

Она вытащила веер из кармана костюма. Теперь можно было разглядеть, что его сделал или ребенок, или кто-то из заключенных.

— Ваши родители удивили меня, — подытожила она.

Я смотрела мимо нее — солнечный луч подрагивал на оконной раме, стремясь ворваться в комнату.

— То, что вы пережили, — ужасно. Все мы, кто работает здесь, надеемся, что вы сумеете это преодолеть, и желаем вам обрести покой.

— Если вы не против, давайте все же перейдем к тому, зачем я приехала, — сказала я.

Адвокат стоял за дверью наготове, как актер, ожидающий своего выхода. На нем был серый костюм с веселеньким галстуком, и адвокат в нем сильно потел.

Он присел на диван, кожаная обивка скрипнула. Представился:

— Билл. — И тут же снова вскочил, чтобы пожать мне руку.

Ворот его рубашки промок от пота и стал таким же серым, как костюм.

— Я знаю, — сразу продолжил он, — что вы тоже юрист.

Он оказался моложе, чем я ожидала. Может, даже младше меня. Вероятно, мы учились в университетах примерно в одно время.

— Всего лишь штатный юрист в компании, — ответила я и, чтобы придать ему уверенности, добавила: — Я ничего не смыслю в завещаниях.

— Ничего, как раз для этого я и здесь.

Я улыбнулась ему ободряюще.

— Что ж, тогда приступим, — произнес Билл и побарабанил пальцами по коробке. — Это личные вещи, а этот документ — ее последняя воля.

Он пододвинул ко мне конверт, я взяла его и вскрыла. В завещании, написанном Маминым нетвердым почерком, было сказано, что Дебора Грейси назначает дочь, Александру Грейси, исполнителем своей воли; что все имущество Деборы Грейси, состоящее: первое — из личных вещей, находящихся в тюрьме Ее Величества Нордвуд; второе — из двадцати тысяч фунтов стерлингов, унаследованных ею от мужа, Чарльза Грейси, после его кончины; третье — из недвижимого имущества, расположенного по адресу: Холлоуфилд, Мур Вудс-роуд, 11, — надлежит разделить поровну между всеми ныне здравствующими детьми Деборы Грейси.

— Исполнителем, — повторила я вслух.

— Насколько я понял, она была уверена, что вы справитесь, — сказал Билл.

Я рассмеялась. Мне представилась Мать, сидящая в камере: как она перебирает светлые волосы,

длинные-предлинные, доходящие до самых колен. Она могла спокойно сидеть на них — это была ее фишка. Она составляет завещание под руководством Билла, который жалеет ее и от души желает помочь — и потеет, совсем как сейчас. У него куча вопросов, а Мать держит ручку, и ее бьет дрожь напускного отчаяния.

— Быть исполнителем, — объясняет ей Билл. — Это почетно. Правда, с другой стороны, — это, конечно, административная ответственность; кроме того, исполнитель обязан общаться с бенефициарами*.

И Мать — с пожирающим ее желудок раком, сознающая, что издеваться над нами ей осталось считанные месяцы, — точно знает, кого ей назначить.

— Вы не обязаны за это братья, если не хотите, — сказал мне Билл.

— Я понимаю.

Билл повел плечами.

— Давайте я объясню вам самое основное. Наследство не очень большое, это не займет много времени. Самое главное — то, о чем важно не забывать, — это держать бенефициаров в курсе. Как бы вы ни решили распорядиться наследством, в первую очередь вам следует получить на то согласие ваших родственников.

У меня был забронирован билет назад до Нью-Йорка на завтрашний дневной рейс. Я подумала

* В данном контексте бенефициары — это все остальные лица, которые получают наследство помимо исполнителя воли.

о прохладном воздухе салона, об аккуратненьких меню, которые раздают сразу после взлета. Представила, как после трех дней, убитых напитками из бара, я погружаюсь в путешествие, затем просыпаюсь — а снаружи теплый вечер, и черная машина ждет меня, чтобы отвезти домой.

— Мне нужно все обдумать, — сказала я. — Сейчас не самое подходящее время.

Билл подал мне листочек в линейку; имя и номер телефона были написаны от руки. Визитки тюремным бюджетом не предусмотрены.

— Буду ждать от вас звонка. И если вы не захотите, то, может, подскажете, кто захотел бы? Кто-то еще из бенефициаров, возможно?

Я представила, как предлагаю это Итану, Гэбриелу или Далиле, и ответила:

— Возможно.

— Для начала, — произнес Билл, держа картонную коробку на ладони, — вот все личные вещи вашей матери, которые она хранила тут, в Нордвуде. Я могу оформить их передачу уже сегодня.

Коробка почти ничего не весила.

— Боюсь только, что они не имеют никакой ценности, — продолжил он. — Тут благодарности и поощрения за образцовое поведение и тому подобные вещи, но вне этих стен они бесполезны.

— Вот досада, — съязвила я.

— Кроме этого, — уточнила начальница, — остается еще тело.

Она подошла к письменному столу и вытащила из ящика папку на кольцах, с пластиковыми карманами внутри. В каждом из них был

рекламный листок или буклет. Она раскрыла передо мной эту папку, как официант раскрывает меню в ресторане, — мелькнули соболезнующие лица, траурный шрифт.

— Вот здесь можно выбрать, — и она перевернула страницу, — если хотите, разные бюро похоронных услуг. В некоторых брошюрах довольно подробная информация: можно посмотреть, какие услуги они предлагают, гробы и все такое. Все находится неподалеку, километров девяносто-сто.

— Боюсь, вы не понимаете, — произнесла я.

Начальница захлопнула папку на странице с леопардовым гробом.

— Мы не будем забирать тело.

— Вот как? — Билл был потрясен.

Начальница тюрьмы осталась невозмутимой. Или же она хорошо скрывала чувства.

— В этом случае, по нашему негласному внутреннему распорядку, мы похороним вашу мать в безымянной могиле. Если не возражаете.

— Нет, — ответила я. — Абсолютно никаких возражений.

Мне предстояла еще одна встреча — с тюремной капелланшей, она хотела о чем-то со мной поговорить. Попросила прийти в часовню для посетителей, которая располагалась на парковке. Одна из помощниц директора проводила меня в небольшой приземистый флигель. Над входом — деревянный крест, окна украшены цветной гофрированной бумагой — витражи, сотворенные, казалось, детскими руками. Скамьи в шесть

рядов, перед ними — самодельный помост с рипидой и аналоем, среднего размера распятие.

Священнослужительница сидела на второй от входа скамье. Она поднялась мне навстречу; все в ней было округлым и влажным: лицо в полумраке, белое одеяние, маленькие ладони, сжавшие мои руки.

— Александра?

— Здравствуйте.

— Вы, должно быть, недоумеваете, зачем я звала вас?

Ее тон отличался той мягкостью, которая достигается путем многих тренировок. Я так и видела, как с бейджиком на груди она сидит в конференц-зале какой-нибудь дешевой гостиницы и внимательно смотрит презентацию, и в этой презентации объясняется, что паузы в разговоре очень важны, ведь они дают собеседнику возможность высказаться.

Я промолчала.

Не дождавшись от меня ответа, она продолжила:

— Последние несколько лет я проводила с вашей матерью довольно много времени. Я, конечно, и раньше с ней работала, но в последние годы стала замечать некоторые изменения в ней. Я подумала, быть может, это послужит вам утешением в столь скорбный день.

— Изменения? — повторила я, чувствуя, как мои губы расплзаются в ухмылке.

— Она писала вам много раз за прошедшие годы. И вам, и Итану, и Далиле. Я слышала обо

всех вас. Гэбриелу и Ною. Дэниелу и Эви она тоже писала. Матери, каких бы грехов она ни направила, страшно терять детей — а она потеряла так много. Все свои письма она приносила мне, чтобы я исправляла ошибки и проверяла адреса. Она все думала, раз вы не отвечаете, значит, адреса не те.

Солнечные лучи проникали в часовню сквозь гофрированную бумагу и заливали проход между скамьями радужным светом. Взглянув на украшения на окнах в первый раз, я подумала, что, может, это творение заключенных; теперь же мне представилось, как сама капелланша, окончив службу, взбирается на стул и наводит красоту в своем Царствии божием.

— Я позвала вас, чтобы поговорить о прощении, — сказала она. — Ибо если вы простите тех, кто грешил против вас, наш Небесный Отец тоже простит вам ваши грехи.

Она положила руку мне на колено, и от ее ладони мне через джинсы передалось — точнее, будто пролилось — тепло.

— Но если не простите вы, то и вам не будет прощения.

— Прощение. — Это угловатое слово будто застряло у меня в горле, я по-прежнему улыбалась.

— Вы их получали? — спросила она. — Ее письма?

Я получала их. Все до единого. Я просила Папу — я говорю о моем *настоящем* отце; не о том, от чьей гнилой плоти я родилась, — уничтожить